ЛИНГВИСТИКА

УДК 418.2
DOI: 10.17223/19986645/60/1

Т.С. Борисова

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ ИЛИ СЛАВЯНСКОЕ СООТВЕТСТВИЕ: ОПЫТ ЛИНВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ НА НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ГИМНОГРАФИИ

Проведен сопоставительный анализ лексических вариантов разноязычного происхождения в ранних славянских списках и редакциях трех переводных гимнографических произведений из Триоди постной и цветной: Акафиста Богоматери, Великого покаянного канона Андрея Критского и Антифонов Великой Пятницы. Выявлены основные тенденции употребления лексики исходного языка славянскими переводчиками и факторы, определившие включение заимствований в лексический состав церковнославянского языка.

Ключевые слова: *заимствования, церковнославянская книжность, Триодь постная и цветная, Акафист Богоматери, Великий канон, Антифоны Великой Пятницы.*

Текст любого перевода может быть рассмотрен как пограничное явление в области пересечения двух языковых систем и как пространство диалога между исходным и принимающим языком. С одной стороны, исходный текст как овеществленная форма определенного языка и культуры накладывает свой отпечаток на перевод, который всегда стремится к максимально возможной в различных языковых системах идентичности с ним. С другой стороны, перенос текста в пространство другого языка предполагает его перекодировку и интерпретацию в языковых категориях принимающего языка, становясь одним из основных способов расширения данного языка путем языковой и культурной адаптации привнесенной извне информации.

На лексическом уровне указанная диалогичность перевода и совмещение в нем элементов и характеристик исходного и принимающего языка и культуры проявляется, в частности, в использовании для обозначения слов исходного языка как непереведенных заимствованных лексем, так и максимально семантически близких к ним в принимающем языке лексических соответствий. Известно, что на начальных этапах развития славянской книжности, когда параллельно с переводом культурообразующих византийских текстов происходило и формирование церковнославянского языка как языка культурного и языкового переноса, использовались оба указанных способа [1. С. 31–39]. Анализ соотношения между ними, а также фак-

торов, влиявших на их выбор, позволяет не только глубже понять технику первых славянских переводчиков, но и яснее представить процессы образования и развития лексики церковнославянского языка.

Существование лексических вариантов разноязычного происхождения в переводных церковнославянских текстах неоднократно отмечалось специалистами по палеославистике и исследовалось в различных аспектах: как средство хронологизации и локализации различных переводов и редакций [2. С. 117–119], как имманентная характеристика переводческой техники первоучителей славян и их последователей [3. С. 6–15; 4. С. 37–42; 5. С. 101–103], с точки зрения различий способа номинации [6. С. 139–140] и роли заимствований в формировании лексики церковнославянского и русского языка [7. С. 2–4]. В работах последних лет было убедительно показано, что так называемые «двуязычные дублеты» сознательно вносились в текст многими славянскими переводчиками в качестве способа этимологизации слов [5. С. 106]. Вместе с тем изучение грецизмов и прочих слов иноязычного происхождения, пришедших в славянский язык через греческий, как правило, проводилось на материале евангельских [2. С. 7–10, 23–25], богословско-исторических [5. С. 97–107] либо гомилетических текстов [8. С. 694–701], гимнографические же источники для систематических исследований по данному вопросу не привлеклись либо исследовались только по отдельным спискам [9. С. 72–74; 10. С. 51–55]. Вместе с тем переводная славянская гимнография, регулярно исправлявшаяся по греческим спискам, дает богатый материал для лингвотекстологического исследования с целью выявления как времени и места внесения тех или иных лексических вариантов, так и факторов, обусловивших их появление. Помимо этого, особое внимание, которое уделяли церковнославянские книжники достижению максимальной идентичности в плане как содержания, так и формы переводов гимнографических текстов их оригиналам вследствие их двойственной – сакральной и поэтической – природы, позволяет исключить фактор случайности при выборе тех или иных лексем при переводе или исправлении текста.

В рамках данной работы проведен лингвотекстологический анализ разноязычных лексических вариантов на материале трех гимнографических текстов: Акафиста Богоматери (далее *Акафист*), Великого покаянного канона Андрея Критского (далее *Великий Канон*) и Антифонов Великой Пятницы (далее *Антифоны)*. Все три текста, литургическое употребление которых связано с великопостными службами, входили в состав богослужебных сборников триодей постных и цветных. Настоящее исследование основывается на проведенном нами ранее текстологическом изучении древнейших списков церковнославянских переводов, позволившем установить связи между ними и выявить основные редакции и традиции бытования перевода на славянской почве [11. С. 70–74, 128–132; 12. Р. 57–82]. Для исследования привлекались следующие списки и редакции:

1. Ранний славянский перевод, существовавший в глаголической традиции и дошедший фрагментарно в кириллическом списке Битольской трио-

ди[1] – из рассматриваемых текстов сохранились только фрагменты песней 7–9 Великого Канона.

2. Второй ранний южнославянский перевод, существовавший в кириллической традиции, в наиболее полной форме сохранившийся в Сербской триоди[2], – присутствует полностью текст всех трех произведений.

3. Восходящая к Преславской справе редакция, существовавшая в чистом виде в ряде восточнославянских списков и названная нами *русской традицией*, – для исследования привлекались Синодальная[3], Воскресенская[4] и Софийская[5] триоди (далее *РТ*).

4. Контаминированные (компилированные) южнославянские и восточнославянские традиции, восходящие частично ко второму раннему переводу, частично к Преславской справе по Шафариковской триоди[6], Триоди Моисея Киянина[7], Загребской триоди[8], древнесербских триодей Евергетидской традиции[9] (далее *Еверг.*) и Орбельской триоди[10]. В Триоди Моисея Киянина отсутствует текст Великого Канона и Акафиста Богоматери, в остальных списках отмеченные тексты сохранились с незначительными лакунами. Отметим, что фрагмент текста Великого Канона (песни 2–9) в Загребской триоди сохраняет чтения, не сводимые ни к одной из указанных выше ранних редакций и, видимо, отражает другую, не сохранившуюся в других списках и в других фрагментах текста редакцию, также восходящую к начальным этапам славянской письменности [11. С. 104–109]. Бедность дошедшего до нас рукописного материала с данной версией текста не позволяет, однако, делать выводы относительно ее происхождения и связей с другими традициями.

5. Редакция, появившаяся в результате систематической справы славянских списков на Афоне в конце XIII в., рассмотренная по сербским спис-

---

[1] Триодь постная, болгарская, XII в., архив Болгарской Академии наук (БАН), София, шифр 38 (далее *Битол.*).

[2] Триодь постная и цветная, сербская, XIII в., РНБ, шифр F.п.I.68 (далее *Серб.*).

[3] Триодь постная (нотированная), русская, XII в., ГИМ, Синодальное собрание, шифр 319 (далее *Синод.).*

[4] Триодь цветная (нотированная), XII в., ГИМ, собрание Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, шифр 27 (далее *Воскр.*).

[5] Триодь постная, русская, XIV в., РНБ, Софийское собрание, шифр 84 (далее *Соф84*).

[6] Триодь постная и цветная, болгарская, конец XII – начало XIII в., РНБ, шифр F.п.I.74 (далее *Шафар.*).

[7] Триодь постная и цветная, конец XII – начало XIII в., РГАДА, фонд 381, № 137 (далее *Киян.*).

[8] Триодь постная и цветная, XIII в., Загребский архив, Скопия, шифр IV d 107 (далее *Загреб.*).

[9] Триодь постная и цветная, сербская, XIII в., РНБ, шифр F.п.I.92. (далее *F.п.I.92*); Триодь постная и цветная, сербская, XIV в., Национальная библиотека Сербии, Белград, шифр 644 (далее *НБС644).*

[10] Триодь постная и цветная, болгарская, XIII в., РНБ, Санкт-Петербург, шифр F.п.I.102 (далее *Орбел.*).

кам Постной и Цветной триоди из собрания монастыря Святой Екатерины на Синае[1] (далее *Аф.*).

Под лексическими вариантами, вслед за Л.Г. Паниным, мы понимаем «лексические соответствия, отношения между которыми строятся на базе регулярных с точки зрения лексико-семантической системы языка связей» [13. С. 127]. Появление лексических вариантов разноязычного происхождения связано с разной степенью влияния исходного языка на язык принимающий. Отметим, что для исследования привлекались только те заимствованные слова из языка-источника (грецизмы и гебраизмы), на месте которых по крайней мере в одной из редакций использовались славянские соответствия. Под славянскими соответствиями мы понимаем как исконно славянскую лексику, так и адаптированные в славянском языке в рассматриваемый период лексемы иноязычного происхождения, воспринимаемые книжниками как неотъемлемый компонент системы принимающего языка в противовес неадаптированным иноязычным элементам из языка-источника.

В рассмотренных трех произведениях было выявлено 16 двухчленных или трехчленных групп двуязычных вариантов, список которых с указанием рукописей (редакций) и характерных контекстов приводится ниже. В скобках даны следующие цифровые обозначения: для Акафиста (номер икоса: номер стиха), для Великого Канона (номер песни: номер ирмоса (только для песен 2 и 3 с двумя ирмосами): номер тропаря (не считая ирмоса)), для Антифонов (номер антифона: номер тропаря).

1. ἀλάβαστρον: алавастръ - стькланица

Великий канон (8: 17): алавастръ Серб.; Загреб.; Шафар.

стькланица РТ; Орбел.; Еверг.; Аф.

сльзы спасе алавастрь аки миро разливаю тебѣ на главоу (Серб.)

сльзноую спасе стькланицю акъ миро изливаю тебе (Синод.)

Великий канон (9: 18): алавастръ Битол.; Серб.; Загреб.; Шафар.; РТ.

стьклѣница Орбел.; Еверг.; Аф.

ꙗже тъ взѧть алавастръ мира со сльзами мажаше нозъ гⷭ҇ии (Битол.)

ꙗже приемъше мира стькланицѫ со сльзами помаза нозѣ спасовѣ (Син23.)

Первые славянские переводчики оставили данное слово (алавастръ – «*узкогорлый металлический сосуд, употреблявшийся для хранения ароматов*» [14. Т. 1. С. 14]), обозначавшее неизвестную для славян реалию, без перевода. В последующих редакциях грецизм изменяется на неточное сла-

[1] Триодь постная, XIV в., болгарская, рукописное собрание Синайского монастыря, шифр Slavonic 23 (далее *Син23*), Триодь цветная, XIV в., сербская, рукописное собрание Синайского монастыря, шифр Slavonic 22 (далее *Син24*).

вянское соответствие стьклѣница – славянский дериват от заимствования из готского языка на праславянском этапе [15. Т. 3. С. 752–753], согласно словарю И. Срезневского «*стеклянный сосуд, вообще сосуд*» [14. Т. 3. С. 585]. Начало данного процесса, по-видимому, связано с Преславской справой, что соответствует и наблюдениям, сделанным Т. Славовой на основе евангельского текста [2. С. 25], однако в гимнографии он проводится непоследовательно и завершается только после проведения Афонской справы.

2. δηνάριον: динарь - пѣнязь - сребрьникъ

Антифоны (4: 3): динарь Серб.; Киян.; Шафар.

пѣнязь РТ, Загреб., Еверг.

сребрьникъ Аф.

да не ꙗко рабь ѡсѫдимъ сѧ немилостивно за динарь (Шафар.)

да не ꙗко рабь ѡсоудим се немлстивъіи пѣнезь ради (F.п.I.92)

да не ꙗко рабь ѡсѫдим сѧ не милостивъих сребрьникъ ради (Син.)

Данное слово, не переведенное в первых редакциях, в процессе Преславской справы заменяется на славянское соответствие, которое использовалось не только для обозначения конкретной римской денежной единицы, но и денег вообще [14. Т. 2. С. 1785]. Интересен контекст Орбельской триоди с совмещением обоих разноязычных вариантов, возникший, видимо, при компилировании текста: да не ꙗко раби ѡсѫдим сѧ немлстивно пѣнязь динарь.

Неточный перевод сребрьникъ (ἀργύριον – “серебряная монета” Афонской редакции [Там же. Т. 3, С. 480]), вероятно, связан с развитием у слова устойчивых отрицательных коннотаций.

3. δραχμή: драгъма (драхъма) – мѣра

Великий Канон (2:1:21): мѣра Серб.; Шафар.; РТ.; Еверг.

драгъма Загреб.; Орбел.; Аф.

нь ꙗко древле мѣрꙋ спасе ѡбрещи ме (Серб.)

ежже ꙗко древнаѫ драгмѫ и поискавь ѡбрѧщеши (Орбел.)

Великий Канон (6:15): мѣра Серб.; РТ.; Еверг.

драгъма Шафар.; Загреб.; Орбел.; Аф.

азъ есмь юже христе погоуби прѣже цьсарьскоую мѣроу (Синод.)

азъ есмъ спасе ѫже погꙋбиль еси ц҃рьскаѧ драхмѫ (Син23)

Неточное славянское соответствие, предложенное в качестве перевода первыми славянскими книжниками (ср. значения «*размер, мера, мерка*»,

выделяемые И. Срезневским [14. Т. 2. С. 242]), по-видимому, осталось непонятным в данном контексте для читателя, о чем свидетельствуют многочисленные ошибки писцов (например, нь ꙗко дреуле спасе миреу вьꙁыскавь ѡбрещише ме (НБС644)). Замена данного слова на заимствование, отмеченное в части южнославянских списков, завершается на этапе Афонской справы. В рассмотренных источниках не зафиксирован вариант мѣдьница, отмеченный Т. Славовой в Евангелии [2. С. 45].

4. Ἑβραίος: евреи – жидъ

Антифоны (3:1) (τῶν Ἑβραίων) евреискъıе Серб.; Киян.; Шафар.; РТ; Загреб.; Аф.

жидовьскъıе Еверг.; Орбел.

осана ти въпиꙗхоу дѣти евреискъıꙗ (Киян.)

ѡсанна ти вьпиꙗхѫ дѣти жидовьскъıѭ (Орбел.)

Антифоны (11:3) жидъ Серб.; Киян.; Шафар.; РТ; Загреб.; Еверг.; Орбел.

евреи Аф.

ни камениѥ ѥгда распадеса жидови прѣтрьпѣша (Загреб.)

ни каменіе ꙗко распадеса евреѫ не ѕвѣршѫ (Син24)

Несмотря на то, что лексема жидъ также была иноязычного происхождения (согласно М. Фасмеру итальянское заимствование через балкано-романское посредничество), в рассматриваемую эпоху она уже воспринималась как факт славянского языка [15. Т. 2. С. 53]. Наличие сходных вариантов зафиксировано и на гомилетическом материале [8. С. 698].

5. Ἐδὲμ: едемъ – раи

Великий Канон (1:6) раи Серб.; Загреб.; РТ; Еверг.

едемъ Орбел.; Аф.

достоино иꙁ раꙗ иꙁгнанъ бъıхъ (Загреб.)

достоино иꙁь едема иꙁгнань бъıхъ (Орбел.)

Замена славянского соответствия ранних редакций на заимствование, закрепленное Афонской справой, вероятно, была вызвана необходимостью разделения на лексическом уровне славянских соответствий греческим лексемам Ἐδὲμ и παράδεισος. Отметим, что лексема παράδεισος в греческом языке имела более широкую семантику и лишь в одном из своих значений «*сад, в который Бог поселил прародителей человеческого рода*» [16. С. 1010–1013] была синонимична имени собственному Ἐδὲμ. В отличие от Ἐδὲμ греческая лексема παράδεισος во всех рассмотренных редак-

циях переводится как рай (см., например, Великий Канон (9:12): μετ᾽ ἐμοῦ ἔσῃ ἐν τῷ παραδείσῳ - со мною бѫдеши въ рай (Орбел.)).

6. εἴδωλον: идолъ – коумиръ

Акафист (11:3) идолъ Серб.; Шафар.; Орбел.; Загреб.; Аф.

коумиръ РТ, Еверг.

идолъı соущее спась ни вь чтоже бъıти крѣпость ихь створи (Серб.)

коумири бо его спасе не терпѧще твоеѩ крѣпости падоша (Соф84)

Замена заимствования на славянское соответствие, произошедшая на этапе Преславской справы, не закрепилась затем в данной традиции.

7. ἱερεύς: іереи – свѧщенникъ – свѧтитель

Акафист (23:11) іереи РТ.; Еверг.[1]

свѧщенникъ Аф.

радꙋися похвало чстьнаѩ иерѣомъ блг҃обоюꙁнивъıмъ (Соф84)

радꙋися похвало чьстнаа сщ҃енікомъ блг҃оговѣиннъıмъ (Син23)

Великий Канон (1:15) іереи Серб.; Шафар.; Орбел.; РТ.; Еверг.

свѧщенникъ Аф.

иерѣи мѧ прѣже видѣвъ мимо иде (Синод.)

сщ҃никъ мѧ прѣдвидѣвъ мимо идее (Син23)

Великий Канон (3:2:13)

свѧтитель (свѧтъ) Серб.; Шафар.; Загреб.; Еверг.

іереи Орбел.

свѧщенникъ Аф.

ст҃итлѣ бж҃иѩ и цр҃а единого х҃во подобие соущаго вь мироу (Серб.)

иереѩ божиѩ цр҃ѣ бъıвша х҃во подобие вь мирѣ (Орбел.)

сщ҃еника бж҃иа и цр҃ѣ оуединена х҃во подобие иже вь мирѣ (Син23)

В ранних редакциях переводчики стремятся разделить на лексическом уровне обычных священнослужителей (грецизм иерѣи) от «священника Бога Всевышнего» (Евр. 7:1) царя Мелхиседека (свѧтитель). На этапе Афонской справы оба варианта объединяются в славянском свѧщенникъ. Эта же замена ранее на этапе Преславской справы проходит в евангельских текстах [2. С. 57].

[1] В остальных ранних списках данная лексема пропущена.

8. Ἰουδαῖος: июдеи – жидъ

Антифоны (3:7) июдеи Шафар.; Киян.; Загреб.; РТ; Орбел.; Аф

жидъ Еверг.

искаахꙋ июдеи оубити тѧ (Киян.)

искахоу те жидове на оубиение (F.п.I.92)

Потребность к различению в церковнославянском языке соответствий двум лексемам греческого языка Ἰουδαῖος и Ἑβραῖος (см. № 4) привело к закреплению в церковнославянском языке грецизма июдеи [15. Т. 2. С. 145] в противовес варианту (адаптированному заимствованию) жидъ, регулярное употребление которого в Евангельских текстах Т. Славова связывает с Преславской справой [2. С. 59–62].

9. καταπέτασμα: катапетазма – ѡпона (запона) – завѣса

Антифоны (10:1): ѡпона (запона) Серб.; Киян.; Шафар.; Орбел.

катапетазма РТ; Загреб.; Еверг.

завѣса Аф.

тогда запона црквьнаа раздра сѧ (Орбел.)

тъгда катапетазма цьркъвьнаꙗ распадеса (Воскр.)

тогда завѣса цр҃ковна раздра сѧ (Син24)

Антифоны (11:3): ѡпона (запона) Серб.; Шафар.

катапетазма РТ; Загреб.; Киян.; Орбел.; Еверг.

завѣса Аф.

ни камение ѥгда распадесе жидовъ прѣпрѣше ни цр҃ковьнаꙗ ѡпона (Серб.)

ни камение ѥгда распадеса жидови прѣтрьпѣша ни церковна катапетазма (Загреб.)

ни каменіе ꙗко распадеса еврѣѭ не ѕвѣршѫ ни цр҃квнаа завѣса (Син24)

Антифоны (12:2): ѡпона (запона) Шафар.; Орбел.

катапетазма Киян.

завѣса РТ; Загреб.; Еверг.; Аф.

днес цр҃ковна запона распаде сѧ на ѡбличение безаконьнъıхъ (Орбел.)

днесь цр҃ковьнаꙗ катапетазма на обличение разъдра сѧ безаконникомъ (Киян.)

дьньсь цьркъвьнаꙗ завѣса на обличение распаде сѧ безаконьникомъ (Воскр.)

Выбор между данными тремя синонимами [14. Т. 1. С. 938] на ранних этапах был сделан в пользу славянского соответствия ѡпона (ꙁапона) («*занавес*» [15. Т. 2. С. 79]), в Преславской редакции – в пользу грецизма катапетазма, Афонская же редакция отдает предпочтение славянскому слову ꙁавѣса. Интересно, что евангельский материал дает противоположную картину – там заимствование катапетазма в Преславских редакциях исправляется на ꙁапона / ꙁавѣса [2. С. 62].

10. μύρον: мѵро / миро – масло

Великий Канон (9:18): масло Загреб.

мѵро / миро Битол.; Серб.; Шафар.; Орбел.; РТ; Еверг.; Аф.

ꙗже вꙁемши масло алавастрьно со сльꙁами помаꙁа ногѣ (Загреб.)

ѣже вьꙁьмьтъ мѵро вь алавастрѣ сльꙁами мажаше ногѣ х҃оу (Шафар.)

см. также примеры к ἀλάβαστρον (№ 1).

Для перевода греческой лексемы μύρον «*ароматические вещества на основе оливкового масла*» [16. С. 889] большинство как ранних, так и более поздних редакций отдают предпочтение грецизму и точному семантическому эквиваленту мѵро [14. Т. 2. С.145] перед неточным славянским соответствием «*масло деревянное, оливковое, елей, коровье масло*» [Там же. С. 113–114].

11. ὁμοούσιος: ѡмоисии – единосѫщьнъии

Великий Канон (7: 21): ѡмоисии Загреб.

единосѫщьнъии Серб.; Киян.; Шафар.; РТ; Еверг.; Орбел.; Аф.

тр҃це проста и неразлѫчима ѡмоиси трьста҃ꙗ (Загреб.)

тр҃це проста и нераздѣльна единосоущьна (Шафар.)

Заимствованный гапакс Загребской триоди, восходящий, вероятно, к одной из ранних редакций перевода гимна, в прочих списках заменяется на закрепившуюся в традиции славянскую кальку-композит данного основополагающего для христианского богословия понятия.

12. Παράκλητος – параклитъ – утѣшитель

Великий Канон (8: 21): параклитъ Загреб.

утѣшитель Серб.; Киян.; Шафар.; РТ; Еверг.; Орбел.; Аф.

Как и в предыдущем случае, грецизм встречается исключительно в Загребской триоди, на данном участке текста (Великий Канон, песни 2–9), как мы уже указывали выше, сохранившей не отраженную в других списках славянскую редакцию, восходящую к начальным этапам славянской

письменности [11. С. 104–109]. Во всех прочих списках на его месте использовано славянское соответствие.

13. πορφύρα: порфира – багрѣница

Антифоны (15:1): порфира Серб.; Киян.; Шафар.; Загреб.; РТ; Еверг.; Орбел.

багрѣница Аф.

въ лъжоу порфѫрѫ облачитъ сѧ облачаѩ нбса облакъı (Киян.)

лъжнѫ багрѣницѫ ѡблачит сѧ одѣваѫ и небо облакъı (Син24)

Великий Канон (4:15): порфира Серб.; Орбел.; РТ.; Еверг.

багрѣница Загреб.; Аф.

цр҃ьскимъ саномь и вѣнцемь и порфирѫ ѡбльчень (Орбел.)

вь цр҃ствѣ си и вѣнци багрѣници ѡблѣчень съı (Загреб.)

Только в Афонской редакции предлагается славянское соответствие для непереводимого ранее грецизма со значением «*пурпурная царская одежда*» [14. Т. 2. С. 1223].

14. σκηνή: скинија – сѣнь

Великий Канон (2:1:19) скинија Серб.; Шафар.; Загреб.; РТ.; Еверг.

сѣнь Аф.

оутрьнее прѣзрѣвь бг҃оѡбразьноую скинию (Серб.)

вънѫтрьнаѫ прѣзрѣвъ блг҃оѡбразнѫѧ сѣнь (Син23)

Вплоть до Афонской справы славянские тексты сохраняют непереведенный грецизм за единственным исключением Орбельской триоди, где уникальное чтение внѫтрьнѣѩ прѣзрѣхъ блг҃оѡбразнѫѧ красотѫ может быть объяснено как ошибкой переписчика, так и попыткой переводчика осмыслить и «ментализировать» символический смысл греческого текста.

15. τελώνης: телонь (ѳелонь) - мъıтарь (митарь)

Великий Канон (9:16): телонь (ѳелонь) Серб.; Шафар.; Битол.

мъıтарь (митарь) Загреб.; РТ; Орбел.; Еверг.; Аф.

телонь спасаше сѧ и блѫдьница мѫдрѣше сѧ (Битол.)

митара спс҃еши и блѫдьники ѕмѫдрѣше (Загреб.)

Великий Канон (9:17): телонь (ѳелонь) Серб.; Шафар.; Битол.

мъıтарь (митарь) Загреб.; РТ; Орбел.; Еверг.; Аф.

закьхеи ѳелонь бѣ нь ѡбаче спс҃есе (Серб.)

закхеи мъıтаръ бѣ нѫ ѡбаче спс҃есѧ (Син23)

Вновь в истории церковнославянского языка славянскому соответствию мытарь (адаптированному заимствованию либо славянскому деривату от древневерхненемецкого *mûta* «*пошлина*» [15. Т. 3. С. 25–26]) отдается предпочтение перед непереведенным грецизмом телонь.

16. φιλόσοφος: философъ - прѣмѫдрыи

Акафист (17:8): прѣмѫдрыи Серб.; Шафар.

философъ РТ; Орбел.; Еверг.; Аф.

радꙋися прѣмѫдраꙗ прѣмѫдрыѩ показꙋющи (Серб.)

радꙋися философы немꙋдѫры ꙗвлающи (Соф84)

Неточное славянское соответствие, вероятно, было выбрано в ранних переводах с целью сохранения корневой паронимии-антитезы оригинала: χαῖρε, φιλοσόφους ἀσόφους δεικνύουσα. Восстановленный первый славянский перевод, вероятно, выглядел так: *радꙋися прѣмѫдрыꙗ непрѣмѫдрыꙗ показꙋющаꙗ. Однако справщики Преславской и Афонской редакции возвращаются к греческому слову как терминологически более точному.

Подведем итог. Анализ лексических вариантов разноязычного происхождения показал осознанный подход славянских книжников к вопросу введения в текст переводов лексики иноязычного происхождения. Ее количество достаточно ограничено, обусловлено отсутствием в принимающем языке обозначений для неизвестных ранее славянам культурных реалий и сокращается от редакции к редакции (в десяти из шестнадцати рассмотренных случаев вариантности справщики изменяют грецизмы первых переводов на исконно славянские лексемы). Однако в четырех случаях, напротив, славянское соответствие было заменено справщиками позднейших редакций на непереведенное слово оригинала. Причинами данной замены могли быть излишняя широта семантики славянского слова, его неточное соответствие лексеме исходного языка (δραχμή – мѣра, φιλόσοφος – прѣмѫдрыи), а также необходимость разделения на лексическом уровне церковнославянских соответствий словам и понятиям греческого языка (Ἐδὲμ: едемъ / παράδεισος: раи; Ἰουδαῖος: июдеи / Ἑβραῖος: евреи (в отличие от употребленного в ранних редакциях для перевода обеих греческих лексем также заимствованного, но уже адаптированного в рассматриваемый период в языке слова жидъ)), вызванная стремлением к достижению пословной корреляции языка оригинала и перевода [5. С. 100–101].

В целом результаты нашего исследования не свидетельствуют о сознательном стремлении славянских книжников к вариативности перевода. Различные переводы одних и тех же греческих лексем мы встречаем, как правило, в контаминированных традициях, где они, вероятно, восходят к разным источникам. Вместе с тем встречаются случаи использования для

одной лексемы исходного языка различных соответствий в системе языка принимающего в зависимости от контекста (ἱερέυς: іереи – свѧтитель). Лишь на этапе Афонской справы можно говорить об однозначном стремлении редакторов к пословному (verbum de verbo) соответствию обоих языков, т.е. к закреплению за каждой лексемой греческого языка постоянного славянского эквивалента. Таким образом, несмотря на сокращение числа лексических заимствований в текстах, греческий язык продолжал оказывать влияние на лексику церковнославянского языка, но уже на другом – системном – уровне.

Литература

1. *Верещагин Е.М.* К дальнейшему изучению переводческого искусства Кирилла и Мефодия и их последователей: Доклад на IX Междунар. съезде славистов. Киев, 1983 г. М., 1982. 86 с.

2. *Славова Т.* Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод. Сер.: Кирило-Методиевски студии. София, 1989. Кн. 6. 129 с.

3. *Верещагин Е.М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян: К проблеме греческо-славянских лексических и грамматических вариантов в древнейших славянских переводах: доклад на VII Междунар. съезде славистов. М. : МГУ, 1972.

4. *Шьоберг А.* Некоторые замечания о лексическом варьировании в переводах первоучителей Кирилла и Мефодия // Paleobulgarica. 1980. № 2. С. 37–42.

5. *Чернышева М.И.* К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 97–107.

6. *Ефимова В.С.* К проблеме выявления факторов, влиявших на выбор способа номинации в древнейших славянских переводах // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012. С. 139–151.

7. *Фасмер М.Р.* Греко-славянские этюды. Кн. 3: Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909. 236 с.

8. *Долгушина Л.* Грецизмы в сборнике «XIII Слов Григория Богослова» по рукописи XI века // Διεθνές Επιστημονικό Συνέδριο “Κύριλλος και Μεθόδιος: Το Βυζάντιο και ο κόσμος των Σλάβων”, Θεσσαλονίκη, 28–30 Νοεμβρίου 2013, Θεσσαλονίκη, 2015. С. 694–701.

9. *Црвенковска Э.* Јазикот и стилот на Триодот. Скопје, 2006. 302 с.

10. *Црвенковска Э., Макаријоска Л.* Орбелски Триод. Сер.: Стари текстови. Скопје, 2010. Т. 10. 394 с.

11. *Борисова Т.С.* Текстология церковнославянских переводов византийских гимнографических текстов по спискам Триоди постной XII–XV веков. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2016. 280 с.

12. *Borisova T.* The Great and Holy Friday Antiphons in the Early Ecclesiastical Slavonic Tradition: Comparative Analysis of the Troparia Composition // Fragmenta Hellinoslavica. Thessaloniki, 2018. Vol. 5. P. 57–82.

13. *Панин Л.Г.* История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. 218 с.

14. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1–3.

15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1987. Т. 1–4.

16. *Lampe G.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford : Oxford University Press, 1961. 1568 p.

A Lexical Borrowing or a Slavonic Equivalent: An Attempt of Linguistic-Textual Analysis of Lexical Variability at the Initial Stages of the History of Church Slavonic Hymnography

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 60. 5–18. DOI: 10.17223/19986645/60/1

Tatiana S. Borisova, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece). E-mail: borisova@slavstud.uoa.gr

Key words: borrowings, Church Slavonic hymnography, Triodium, Pentecostarion, Akathistos Hymn, Great Canon of Repentance, Great and Holy Friday Antiphons.

The aim of the present study is to identify factors contributing to the introduction of foreign vocabulary into the Church Slavonic language at the early stages of the Slavonic written tradition in the general context of the Greek and Church Slavonic language contacts and of the translation as the main way of the linguistic and cultural transfer. In order to achieve this aim, a comparative linguistic-textological analysis of multilingual lexical variants in the Slavonic translations of Byzantine hymns was conducted. The study was made on the material of three hymnographic texts included in the liturgical books of Lenten Triodium and Pentecostarion: the Akathistos Hymn, the Great Canon of Repentance by St. Andrew of Crete and the Great and Holy Friday Antiphons. Eleven South Slavonic and East Slavonic of the 12th to the 14th centuries were used for the analysis. These scripts were previously divided into four main versions, which appeared as a result of the corrections of the Slavonic text by the Greek original. In these texts, 16 groups of two- or three-member bilingual variants were found and analyzed in 25 contexts. Though in the first Slavonic translations the source language vocabulary was introduced into the texts to a limited extent and only in order to designate phenomena unknown to the Slavs' cultural realities, the analysis of changes made in the texts by Slavonic editors up to the Mount Athos 14th-century corrections showed a general trend of replacing source language borrowings with corresponding words of the target language (originally Slavonic vocabulary and borrowings already adapted in the language). On the other hand, in four cases, the inaccurate Slavonic equivalents used by the first translators were later corrected by the source language borrowings in order to separate the Slavonic equivalents and the Greek words and concepts at the lexical level. The comparison of the data obtained with the results of the analysis of the Gospel and philosophical and historical Slavonic translations showed the dependence of translation techniques on the genre of the text and on the time of translation. If at the initial stages of the Slavonic written tradition variations were allowed in the translations of the same Greek words depending on the context, the editors of Mount Athos corrections tended to the word-by-word equivalence of the Greek and Slavic vocabulary. Thus, up to the 14th century, the influence of the Greek language on the Church Slavonic one can be observed mainly at the level of system relations, not at the level of borrowed vocabulary.

References

1. Vereshchagin, E.M. (1982) [On Further Study of the Translation Art of Cyril and Methodius and Their Followers]. *IX Mezhdunarodnyy s"yezd slavistov* [IX International Congress of Slavists]. Moscow: IRZhAP. (In Russian).

2. Slavova, T. (1989) Preslavska redaktsiya na Kirilo-Metodieviya starobalgarski evangelski prevod. [Pereslavsk revision of the Cyril and Methodius Old-Bulgarian Evangelical Translation]. In: *Kirilo-Metodievski studii* [The Cyril and Methodius Studies]. Vol. 6. Sofia: BAS. (In Bulgarian).

3. Vereshchagin, E.M. (1972) [From the History of the First Literary Language of the Slavs: Toward the Problem of Greek-Slavic Lexical and Grammatical Variants in Ancient Slavic Translations]. *VII Mezhdunarodnyy s"yezd slavistov* [VII International Congress of Slavists]. Moscow: Moscow State University. (In Russian).

4. Shyberg, A. (1980) Some Remarks on the Lexical Variation in the Translations of the First Teachers Cyril and Methodius. *Paleobulgarica*. 2. pp. 37–42. (In Russian).

5. Chernysheva, M.I. (1994) K voprosu ob istokakh leksicheskoy variantnosti v rannikh slavyanskikh perevodakh s grecheskogo yazyka: perevodcheskiy priem "dvuyazychnye dublety" [On the Sources of Lexical Variation in the Early Slavic Translations from Greek: the "Bilingual Doublets" Translation Technique]. *Voprosy yazykoznaniya – Issues of Linguistics*. 2. pp. 97–107. (In Russian).

6. Efimova, V.S. (2012) K probleme vyyavleniya faktorov, vliyavshikh na vybor sposoba nominatsii v drevneyshikh slavyanskikh perevodakh [On the Problem of Identifying Factors that Influenced the Choice of the Nomination Method in Ancient Slavic Translations]. In: Efimova, V.S. (ed.) *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Paleoslavistika: Slovo i tekst* [Slavic and Balkan linguistics. Paleoslavistics: Word and Text]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS, pp. 139–151. (In Russian).

7. Vasmer, M.R. (1909) *Greko-slavyanskie etyudy* [Greek-Slavic Studies]. Book 3. St. Petersburg: Tipografiya AN.

8. Dolgushina, L. (2015) [Grecisms in the "XIII orations of Gregory the Theologian" collection based on an 11th century manuscript]. *Cyril and Methodius: Byzantium and the Slavic World*. Proceedings of the International Conference. Thessaloniki. 28–30 November 2013, Thessaloniki: [s.n.]. pp. 694–701. (In Russian).

9. Tsrvenkovska, E. (2006) *Jazykot i stilot na Triodot.* [The Triodion Language and Style]. Skopje: Menora.

10. Tsrvenkovska, E. & Makarijoska, L. (2010) *Orbelski Triod* [The Orbelian Triodion]. Skopje: [s.n.].

11. Borisova, T.S. (2016) *Tekstologiya tserkovnoslavyanskikh perevodov vizantiyskikh gimnograficheskikh tekstov po spiskam Triodi postnoy XII–XV vekov* [Textology of Church Slavonic Translations of Byzantine Hymnographic texts of the 12th–15th Centuries Lenten Triodion Copies]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

12. Borisova, T. (2018) The Great and Holy Friday Antiphons in the Early Ecclesiastical Slavonic Tradition: Comparative Analysis of the Troparia Composition. *Fragmenta Hellinoslavica*. 5. pp. 57–82.

13. Panin, L.G. (1995) *Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka i lingvisticheskaya tekstologiya.* [History of Church Slavonic Language and Linguistic Textology]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.

14. Sreznevskiy, I.I. (1893) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Old Russian Language Dictionary According to Written Artifacts]. Vol. 1–3. St. Petersburg: Tipografiya AN.

15. Vasmer, M. (1987) *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka.* [Etymological Dictionary of Russian Language]. Vol. 1–4. Moscow: Progress.

16. Lampe, G. (1961) *A Patristic Greek Lexicon.* Oxford: Oxford University Press.